

о своем чувстве, о своем переживании повести. Она имела на это полное право, потому что читателю интересно и важно было познакомиться не только с миром пушкинской повести, но и с внутренним миром самой поэтессы. Цветаева писала: «Пришедши к Пугачеву непосредственно из сказок Гримма, Полевого, Перро, я, как всякий ребенок, к зверствам — привыкла. Разве дети ненавидят Людоода за то, что хотел отсечь мальчикам головы? Нет, они его только боятся. Разве дети ненавидят Верлиоку? Змея-Горыныча? Бабу-Ягу с ее живым тыном из мертвых голов? Все это — чистая стихия страха, без которого сказка не сказка и услада не услада. Для ребенка в сказке должно быть зло. Таким необходимым сказочным злом и являются в детстве (и в недетстве) злодейства Пугачева».⁷⁵

Однако то, что позволено поэту, не позволено исследователю. Цветаева со щедрой рассеянностью не использовала находку, не вывела из своей посылки всех возможных следствий. Впрочем, это и не входило в ее задачу. Мы же выводы и дальнейшие наблюдения сделать обязаны.⁷⁶

Подобно тому как это было в волшебной сказке и, соответственно, в «Повести о Савве», в линейной цепи «Капитанской дочки» на первое место выносятся семейная ситуация. Подготовительная часть сюжетной структуры пушкинского текста сформирована из таких элементов, как получение, с которым Андрей Петрович Гринев обращается к сыну (запрет — в терминах Проппа), и отъезд героя из дома родителей. Подчеркну, что в запрете центральное положение занимает понятие чести. Оба эти элемента, а также предшествующая им семейная ситуация, безусловно, объединяют начало повести с началом волшебной сказки. Однако уже сейчас следует обратить внимание на одно очень существенное отличие этого и всех других литературных произведений нового времени от архаичных художественных структур.

⁷⁵ Марина Цветаева. Пушкин и Пугачев. — «Вопросы литературы», 1965, № 8, стр. 177—178. В словах Цветаевой можно распознать совершенно справедливое, хотя и не выраженное очевидно, отождествление Пугачева с чудесным помощником. Что же касается «чистой стихии страха», разлитой в сказках и повести Пушкина, то тут к сказанному Цветаевой следует добавить, что страшное содержится во всем круге тех произведений, которые были порождены волшебным сюжетом. Ключ к пониманию этого явления находим у Проппа: «Циклом, ... обнаруживающим соответствие со сказкой, является цикл представлений о смерти...» (Исторические корни волшебной сказки, стр. 329).

⁷⁶ Уже после того, как в апреле 1970 г. эта часть статьи была обсуждена на заседании Сектора теоретических исследований литературы ИРЛИ, вышла из печати книга В. Б. Шкловского «Тетива. О несходстве сходного». Отвлекаясь от тех оценок, которые выносит автор этой работы исследованию Проппа «Морфология сказки» (многие из них мне кажутся безосновательными), с радостью отмечу, что книга Шкловского содержит несколько (пусть беглых) суждений о «Капитанской дочке», во многом совпадающих с идеями данной статьи или их корректирующими. Близость развиваемых идей, лишний раз свидетельствующая о правомерности их выдвижения, тем более примечательна, что предпосылки, на которых базируется моя статья, прямо противоречат авторскому замыслу «Тетивы», — первую вполне можно было бы озаглавить «О сходстве несходного». «Если пересказать романы, упрощая их содержание, — пишет Шкловский, — то схемы их будут похожи на схемы сказок, потому что и там и здесь есть совпадение и изменение совпадающего — совпадение функций» (Виктор Шкловский. Тетива. О несходстве сходного. М., 1970, стр. 217). И далее: «Старику Гриневу понадобилось, чтобы сын служил: это можно определить как „недостачу“ — не хватает чинов и орденов. Младший Гринев отправлен в армию в сопровождении слуги. По дороге он спасает путника и награждает его заячьим тулупчиком. Таким образом он получает помощника. Вредителем оказывается Швабрин, но Пугачев помогает герою, и все кончается свадьбой.

Какое отличие от сказки? То, что целью повести является показ народного бунта и народных характеров» (стр. 220).